

Кастелян Леонид налил себе полный стакан амасека и осушил его одним большим глотком, после чего, оставив стакан на столе, присел на край кровати. Все его тело болело, швы, наложенные на неглубокие раны на руках и ногах, тянули при каждом движении, заставляя кастеляна морщиться. Он потер виски, пытаясь избавиться от головной боли, которая не отпускала уже несколько дней.

Но такого чуда не случилось. Он снова наполнил стакан и посмотрел через армированное стекло амбразуры на ров, все еще охваченный тусклым красным свечением. Плазменное пламя, в котором скрылись оба павших титана, уже угасало, и Леонид поднял стакан, чувствуя умирающий свет:

— За вас, принцепс Дазкиан. Да хранит Император вашу душу.

Он выпил обжигающую жидкость и подумал было налить третью порцию, но решил, что не стоит — до наступления утра ему предстояло еще много работы. Провел покрытой мозолями рукой по волосам, стараясь унять боль, и тут в дверь постучали.

— Войдите.

Пригнувшись, брат-капитан Эшара вошел в комнату, пододвинул себе один из прочных стульев, стоявших вокруг стола, и сел напротив кастеляна. Некоторое время оба молчали; это было дружеское молчание, когда слова не нужны.

— Сегодня ваши солдаты проявили истинное мужество, — наконец заговорил Эшара. — Народ Джурана может вами гордиться.

Видя, что Леонид опечален, он добавил:

— Мне горько слышать, что майор Андерс погиб.

Леонид кивнул, вспомнив тот страшный момент, когда один из Железных Воинов с оскорбительной небрежностью зарубил его друга в битве на Первом равелине.

— Примите и мои соболезнования, капитан. Смерть библиария Корвина стала большой потерей для всех нас.

Лицо Эшары избороздили морщины горя.

— Не буду делать вид, что понимаю, что случилось на том бастионе, но в одном я уверен: он отдал свою жизнь, чтобы спасти нас всех.

— Согласен, — отозвался Леонид.

Донесения о битве на бастионе Мори были, мягко говоря, путаными. Раненые в лазарете бредили, на разные лады повторяя одну и ту же историю о воине-гиганте, который убил всех на бастионе лишь силой своего голоса, и о вихре, который втягивал в себя кровь. К счастью, Леонид успел пресечь эти рассказы, прежде чем они распространились по всему гарнизону.

— Завтра — последний день, да? — спросил кастелян.

Эшара не ответил; Леониду показалось, что капитан не хочет отвечать на этот вопрос, но космический десантник на самом деле обдумывал слова.

— Этот день станет для нас последним, если мы не отступим за внутренние стены цитадели. У нас осталось меньше четырех тысяч человек; уничтожена практически вся тяжелая артиллерия; в стенах три бреши. Линия обороны слишком длинная, и всю ее мы не удержим, хотя врагу придется пролить немало крови при штурме. И все же, в конце концов цитадель падет.

— Тогда мы сдадим внешний периметр и укроемся за внутренними стенами. Они целы, и хотя сплошной линии укреплений у нас не будет, зато будет покрытие энергетического щита.

— Хорошо, — кивнул Эшара. — Жертва, принесенная принцепсом Даэкианом, дала нам время на перегруппировку, и лучше нам с этим не затягивать.

— Я немедленно отдам приказ, — согласился Леонид, наливая себе последний стакан амасака и доставая флакон с таблетками детокса.

Приняв одну, он покачал головой от отвращения — вкус у таблеток был отвратительный — и поставил флакон на стол.

— Я заметил, что ваши солдаты тоже принимают это лекарство, — произнес Эшара. — Можно спросить, от чего оно?

— Вы про таблетки детокса? Ну конечно, вам же они не нужны. Думаю, скоро и нам они уже больше не понадобятся.

Эшара выглядел озадаченным:

— Не понадобятся для чего?

— Все дело в здешнем воздухе, — пояснил Леонид, поведя рукой. — Он ядовит. Магос Биологис из Адептус Механикус снабжают нас этими таблетками, чтобы люди не заболели от содержащихся в нем токсинов.

Эшара склонился над столом, взял флакон в руки, вытряхнул на ладонь несколько таблеток и глубоко вздохнул — нарочито глубоко, как показалось Леониду.

— Кастелян Леонид, вы знаете, что в организме космического десантника есть особый орган, который называется невроглоттис? — Кастелян покачал головой, и тогда Эшара продолжил: — Он расположен на задней стенке гортани и может анализировать химический состав того, чем мы дышим и что едим. При необходимости этот орган меняет мои дыхательные процессы так, чтобы воздух по трахее поступал в генетически модифицированное легкое, которое может справиться с любыми токсинами, содержащимися в атмосфере.

Эшара поставил флакон обратно на стол.

— Боюсь, вас ввели в заблуждение, мой друг. Могу точно сказать, что воздух на этой планете неопасен для дыхания. Неприятен — да, но ядовит? Безусловно, нет.

Леонид не пытался сдерживать охватившую его злость. Он направлялся в Храм Машины, расположенный глубоко под цитаделью, сжимая в левой руке флакон с таблетками детокса, а в правой — лазпистолет. По стерильно чистым коридорам, которые вели к резиденции архимагоса Амаэтона, они шли вместе с капитаном Эшарой, а следом за ними маршировали в ногу гвардейцы из почетной стражи кастеляна, защищенные панцирной броней.

Теперь Леонид знал, почему там, в горах, Хоук не умер и даже не заболел. Теперь он знал, почему солдаты в крепости постоянно страдали от головных болей и тошноты. Теперь он знал, почему на стенах зала для брифингов столько знамен и эмблем разных полков. Благодаря этим таблеткам для «детоксикации» весьма скоро цитадели потребовалось бы снова обновить гарнизон.

Эшара попробовал одну из этих таблеток, подержал ее во рту, пока химические вещества не растворились, а потом сплюнул их в пустой кувшин.

— Это яд, — вынес он свой вердикт. — Действует медленно и незаметно, но все равно это яд. В этой таблетке содержится много веществ, которые, насколько мне известно, оказывают канцерогенное воздействие. Могу предположить, что через несколько лет приема этого «лекарства» у пациента разовьется какой-то агрессивный вид рака — или даже несколько видов сразу.

В ужасе Леонид смотрел на флакон с таблетками, осознавая со всей неизбежностью, что он сам принимал эти пилюли уже очень долгое время.

— Насколько агрессивный? — прошептал он.

Эшара нахмурился.

— Настолько, чтобы через шесть-семь лет привести к полной инвалидности и смерти.

От ярости Леонид лишился дара речи. Невозможно было даже представить такое вероломство, невозможно помыслить, что Адептус Механикус могли так безжалостно врать своим же. Вспомнив количество знамен на стенах зала, он попытался подсчитать, в скольких смертях были повинны Адептус Механикус, но быстро сдался: цифры превышали несколько миллионов.

— Но зачем им так поступать?

— Этого я не знаю. Что оберегает эта цитадель? Неужели это представляет такую ценность, что даже защитники крепости должны любой ценой хранить молчание?

Леонид покачал головой.

— Возможно, но я точно не знаю. Я знаю лишь, что это место — нечто вроде промежуточной станции для хранения ксеноартефактов, обнаруженных в данном секторе. Мне сказали, что строения были возведены на руинах, оставшихся еще со времен Темной эры технологий...

— И вновь я склонен думать, что вас обманули. Вряд ли Адептус Механикус пошли на столь низкий поступок только ради защиты ксеноартефактов. Эта цитадель скрывает тайну, которая стоит жизни каждого солдата из ее гарнизона.

Леонид поклялся узнать эту тайну, даже если ему придется для этого придушить Наицина или нацелить лазпистолет на неведомую машину, которая поддерживала жизнь Амаэтона. Судьбу 383-го Джуранского, наверно, уже не изменить, но Леонид собирался сделать все, чтобы Адептус Механикус заплатились за свои преступления.

От главного коридора ответвлялись несколько других, но кастелян безошибочно следовал по пути, который вел в храм.

— Впереди кто-то есть, — прошептал Эшара, вынимая болт-пистолет и взводя курок.

Леонид последовал его примеру, а гвардейцы из почетной стражи подняли ружья к бою и заняли позиции вокруг кастеляна.

За очередным поворотом открылся зал со сводчатым потолком, словно сотканным из ажурных железных перекрытий. Шары светильников парили, поддерживаемые силовым полем; на стенах — изображения зубчатой шестерни, на полу — груды металлических ящиков и громоздкие механизмы. Сервиторы и рабочие двигались по огромному залу, как автоматы, не обращая внимания на происходящее вокруг.

На другом конце зала виднелась приоткрытая широкая дверь в форме зубчатого полукруга, у которой собралась небольшая группа людей. Леонид сразу же узнал мага Наицина и

нескладные фигуры преторианцев — боевых сервиторов. Сервиторы когда-то были рабами, которые, пройдя хирургическую обработку, теперь выполняли для Адептус Механикус самые разные виды ручной работы. Тяжеловооруженные преторианцы использовались для обороны и обладали телами, усиленными аугметикой. Передвигались они благодаря самоходным гусеничным агрегатам, а в руки их были вживлены разнообразные виды оружия смертельного действия.

Последнего члена этой группы Леонид не узнал, но поразился тому, каким чудовищно массивным казалось тело этого человека — даже свободная мантия не могла скрыть его грузные очертания. Кожа его была цвета черного железа, а лицо скорее принадлежало мертвецу, а не живому человеку.

Наицин заметил их приближение и проскользнул в дверь, увлекая гиганта в мантии за собой.

Леонид в ярости зарычал и бросился к закрывавшейся двери. Боевые сервиторы двинулись ему навстречу, но он целиком сосредоточился на двери и не обращал на них внимания. Ничто не помешает ему добраться до Наицина и убить его.

Первый преторианец уже поднимал руки с установленным на них оружием, и почетная стража бросилась за Леонидом, увидев возникшую опасность. Один гвардеец, оказавшийся быстрее всех, прыгнул вперед и сбил кастеляна с ног, убирая его с линии огня. Выстрелы тяжелого болтера, из которого стрелял преторианец, наполнили зал ритмичным грохотом.

Снаряды пролетели над Леонидом, но другим повезло меньше. Три гвардейца упали, у каждого на груди зияла огромная рана. Леонид и его спаситель откатились под прикрытие большой буровой установки на гусеничном ходу, но и от нее теперь откалывались куски металла — преторианец пустил в дело автопушку с более крупным калибром.

На боевого сервитора обрушился шквал лазерного огня, и преторианец отшатнулся назад, истекая кровью. Но даже это не смогло его остановить — он лишь скорректировал прицел и поразительно точными и быстрыми выстрелами уничтожил еще несколько человек из отряда Леонида.

Гвардеец, спасший кастеляну жизнь, выскочил из-за прикрытия буровой установки и тщательно прицелился в голову преторианца, но тут же рухнул на пол, пораженный в грудь и голову, и разрывные снаряды превратили его тело в кровавую мешанину.

Постепенно разрушения, вызванные тяжелым болтером и автопушкой, распространялись по всему залу, и Леонид попятился. Повсюду сыпались осколки стекла и пластика, лилась кровь, сыпались искры; падали солдаты и рабочие-сервиторы, разбивались пульта управления и осветительные шары.

Рабочие-сервиторы, прошедшие лоботомию, не были запрограммированы реагировать на подобные внешние раздражители и продолжали выполнять рутинные задания на своих местах. Они умирали молча, сраженные огнем преторианцев, которые расстреливали их в упор,

благодаря усиленным сервомускулам даже не замечая мощной отдачи оружия.

Над разбитыми панелями вспыхнули сигналы тревоги. Леонид пробрался к Эшаре, который обнажил потрескивающий клинок силового меча.

Рабочие-люди старались как можно быстрее отсоединиться от оборудования, которое они обслуживали, и укрыться от неумолимо приближавшихся преторианцев. Один из рабочих упал на колени, моля о пощаде, но в ответ получил лишь выстрел в лицо. Для того чтобы убить остальных, потребовалось всего три прицельных очереди.

Леонид бросился в атаку в тот момент, когда раненый преторианец закончил истребление техников. Он успел выстрелить по цели дважды, и сервитор пошатнулся, но, несмотря на две раны в голове, все равно поднял тяжелый болтер. Третий выстрел Леонида перебил сервигорю шею и наконец отделил голову от тела.

Преторианец опрокинулся назад, продолжая рефлекторно стрелять, и пунктир выстрелов протянулся к Леониду и зацепил его плечо. Вскрикнув от боли, он не удержался на ногах и упал, а уже слышался визг автопушки второго сервигора, готового открыть огонь.

Но прежде чем второй преторианец смог выстрелить в кастеляна, Эшара, укрывавшийся за одним из ящиков, бросился вперед и одним взмахом меча перерубил стволы пушки, вызвав взрыв искр, а затем быстро развернулся и изо всех сил ударил сервигора локтем в лицо. Череп сервигора лопнул, шея переломилась, и обратный удар Эшары довершил дело, снеся верхнюю, органическую часть тела преторианца с гусеничного агрегата. Вой автопушки сменился отрывистым визгом и наконец стих.

Леонид встал, зажимая рану в плече, и, благодарно кивнув Эшаре, повернулся к закрывшейся двери, за которой скрылись Наицин и его неведомый сообщник.

— Проклятье! — выругался он. — Как же нам теперь ее открыть?

Эшара указал на что-то за спиной Леонида. Нахмурившись, кастелян обернулся, чтобы посмотреть, что именно привлекло внимание космического десантника — а когда увидел, то широко улыбнулся.

Дверь, преграждавшая вход в храм Машины, была сделана из сплошной стали тридцать сантиметров толщиной, но смялась как фольга, когда в нее ударила буровая установка весом в восемьдесят тонн. Верхняя секция установки не прошла в дверной проем и со скрежетом оторвалась, но остальная конструкция пробила преграду и, разбрасывая вокруг себя фрагменты металла и снопы искр, оказалась во внутреннем святилище Храма Машины. На мгновение Эшара потерял управление установкой, и ее повело в сторону, к скоплению мониторов и контрольных панелей, в которые она и врезалась. Едва установка, урча двигателем, остановилась, Леонид, Эшара и четыре уцелевших в перестрелке гвардейца спрыгнули с нее на пол зала, где в янтарном свечении пульсировали механической жизнью бесчисленные механические устройства.

Застонав от боли при резком движении, Леонид осмотрелся, пытаясь понять, что представляло собой это место.

Магос Наицин стоял, склонившись, у приземистой ромбовидной конструкции, на поверхности которой располагался бак с жидкостью, сейчас разбитый. Жидкость вытекала из поврежденного контейнера, а Наицин, в одной руке державший свою бронзовую маску, в другой сжимал нечто, напоминавшее блестящий кусок мяса. Он отбросил этот предмет в сторону, и Леонид с ужасом узнал в нем застывшие черты лица архимагоса Амаэтона. Прослужив цитадели многие века, органическая составляющая архимагоса наконец встретила свой смертный час.

Неповоротливый незнакомец, который сопровождал Наицина, поднялся на ромбовидное сооружение и широко развел руки — огромные и деформированные. Под его мантией началось какое-то шевеление, словно во все стороны расплзлось змеиное гнездо. Ткань мантии лопнула, обнажив пласты мускулов, черных, как железо. По этим мускулам пробегала рябь движения, в них ужасным образом соединилась органическая и биомеханическая жизнь, и кастелян задумался: чем было это существо — машиной, человеком или чудовищным симбиозом того и другого?

— Наицин! — крикнул Леонид. — Что ты наделал?

Магос поднял голову, и Леонид охнул от шока, увидев его лицо, истинное лицо. Скопление тонких щупалец, похожих на червей, блестело и переплеталось в сплошную массу, которая и была головой магоса; в середине лицевой стороны из этой массы выпирала гроздь белесых глаз, а под ней виднелось сфинктероподобное ротовое отверстие, полное острых как иглы зубов.

— Мутант, — презрительно сплюнул Эшара и поднял пистолет.

Гвардейцы замерли, словно замороженные, разглядывая невероятное существо, и это нездоровое любопытство стоило им жизни.

Фигура на возвышении подняла руки, плоть на которых двигалась, трансформируясь в два огромных орудийных ствола. Выстрелы слились в оглушительное крещендо, и в одно мгновение от почетной стражи Леонида не осталось ничего. Сам кастелян вынужден был снова искать укрытия за буровой установкой, а Эшара бросился в атаку на гиганта в центре зала.

Зашипев, магос Наицин кинулся ему наперерез, двигаясь с невозможной для человека скоростью. Из пальцев его выросли длинные хоботки с зубастыми отверстиями на концах и как кнутом ударили по противнику. Эшара был сбит с ног, металл наплечника зашипел от попавшего на него ихора, и под воздействием этого вещества керамит доспеха начал растворяться. Космический десантник откатился в сторону, уворачиваясь от жадных ртов, но Наицин атаковал снова, выплюнув новую порцию кислоты из отростков на руках.

Леонид не упустил момент и, используя щиток гусеничной ленты как опору для пистолета,

прицелился в уродливую тварь, которая уничтожила его отряд.

Тем временем руки существа снова трансформировались — на смену оружию явились длинные ребристые кабели, которые извивались, подобно змеям. Ребра широко разошлись, как если бы открылись поросшие мхом створки древних ворот, и из грудной полости монстра показались с десяток щупалец из влажного зеленого металла. Они потянулись во все стороны, словно в поисках чего-то.

Леонид выстрелил, и лазерный луч поразил чудовище в голову. Вспыхнуло яркое зеленоватое свечение, а затем он увидел, что цель осталась невредима.

Леонид стрелял снова и снова, но безрезультатно. Существо, стоявшее на платформе, было неуязвимо. Металлические щупальца все удлинялись; теперь они подсоединялись к механизмам, стоявшим вокруг возвышения. Биомеханические внутренности порождали все новые отростки, которые тянулись во все стороны, как ветви дерева, и подключались к аппаратам жизнеобеспечения храма и системам регулирования всей цитадели.

По всему залу загорелись предупредительные огни, включилась звуковая аварийная сигнализация.

Леонид понимал, что сам он никак не сможет остановить это нечестивое создание, и бросился к Эшаре, который все еще сражался с мутантом. Наицин двигался с головокружительной скоростью, щупальца, истекавшие кислотой, уклонялись от каждого удара Эшары. Болт-пистолет капитана превратился в лужицу расплавленного металла, и Леонид видел, что доспех его пробит в нескольких местах — там, где на него попали едкие выделения из зубастых отростков.

— Отойдите, брат-капитан, — приказал Леонид и поднял лазпистолет.

Эшара уклонился от удара, нацеленного ему прямо в сердце, и отшатнулся назад от омерзительного мутанта. Наицин отступил к ромбовидной платформе, и янтарное сияние, освещавшее зал, померкло, сменяясь мутным зеленоватым свечением. Леонид навел прицел на голову мутанта.

Наицин самодовольно рассмеялся; смех прозвучал, как смесь влажного причмокивания и бульканья.

— Дураки! Вам не победить. Можете уничтожить меня, но те, кому я служу, уже вечером будут пировать на ваших костях.

— Но почему, Наицин? — по-прежнему хотел знать Леонид.

— Могу спросить то же у вас, — презрительно парировал магос. — Вы и понятия не имеете, за

что сражается.

— Мы сражаемся, чтобы защитить один из миров Императора, мутант, — отрезал Эшара.

Наицин засмеялся уже открыто — омерзительный, тошнотворный звук.

— Неужели вы думаете, что Императору есть дело до этой планеты? Оглянитесь вокруг: это пустыня! Пустыня, созданная руками человека. Когда-то это был плодородный, богатый жизнью мир, но затем Адептус Механикус захотели обустроить его для своих целей. Вирусная бомбардировка не оставила на поверхности ничего живого, и на многие века планета стала необитаемой.

— Ты лжешь. Зачем Адептус Механикус так поступать?

— Чтобы больше никто не предъявлял претензий на этот мир, тогда они могли бы спокойно работать в генетических лабораториях, которые собирались здесь построить. Вы стоите в одном из самых священных для Адептус Механикус мест и даже не знаете об этом. Геносемя, столь ценное для космических десантников, ибо в нем заключено будущее Астартес... Это одно из двух мест во всей галактике, где производится и хранится геносемя.

И вновь Наицин рассмеялся, на этот раз увидев потрясенное выражение на лице Эшары.

— Вот именно, капитан. Когда Кузнец Войны и Разоритель завладеют вашим бесценным геносеменем, они используют его для создания целых легионов космических десантников, которые будут служить Хаосу!

— Но ты до этого дня не доживешь, — зарычал Эшара, выхватил пистолет из рук Леонида и выстрелил.

Голова Наицина лопнула, и на платформу потоком хлынула зловонная желтая жидкость, в которой плавали куски эластичного, покрытого отrostками вещества. Труп рухнул на пол, и Эшара добавил еще четыре лазерных разряда, чтобы наверняка разделаться с чудовищем, а затем, не говоря ни слова, вернул пистолет Леониду.

Зал наполнился воем сигнализации. Взглянув вверх, на платформу, Эшара и Леонид увидели, что существо, до этого стоявшее на ней, теперь парит в воздухе, раскинув руки, словно распятое на кресте. Все новые щупальца-кабели вырастали из его тела, а раскрытая грудная клетка излучала то зеленоватое сияние, которое теперь освещало зал.

Тут и там по периметру помещения сыпались каскады зеленых искр; мерцающие разряды смертоносной энергии электрической дугой перекидывались с одного механизма на другой, и вскоре все системы цитадели были заражены техновирусом.

Один из электрических разрядов молнией ударил в пол совсем рядом с Эшарой и Леонидом, заставив их отшатнуться от монстра. Весь Храм Машины сотрясали взрывы, и зал погрузился в пучину электрического шторма. Прикрывая Леонида собой, Эшара кинулся к разбитой двери, за которой открывался выход. Вслед им устремились изумрудные молнии, и разряд поразил Эшару в спину, заставив его захрипеть от боли. Но воины успели нырнуть в дверной проем и откатиться в сторону до того, как вход в Храм скрылся за сплошной сетью из потрескивающих молний.

Еле двигаясь, Эшара и Леонид постарались отойти подальше от пульсирующего зеленого свечения; оба тяжело дышали и стонали от боли.

Эшара поднялся на ноги и протянул руку, помогая встать Леониду, который держался за раненое плечо. Но прежде чем они успели перемолвиться хоть словом, из вокс-бусины в шлеме Эшары раздалось потрескивание, и капитан сосредоточился на получаемом сообщении.

Леонид сразу понял, что новости плохие.

— Что там? — спросил он, готовясь к худшему.

— Началось. Щита больше нет, и противник опять идет на штурм.

Леонид кивнул и оглянулся на светившийся зеленым вход в Храм Машины, который теперь превратился в ад.

— Тогда наше место — на стенах цитадели, — мрачно сказал он.

Два уцелевших титана Легио Мортис двинулись к цитадели в сопровождении эшелона «Поборников» и сорока двух яростно вопящих дредноутов. Этот бронетанковый удар поддерживали около шести тысяч солдат в красной униформе, потрепанных, но не отстававших от техники. Достигнув рва, солдаты спустились по его склону, ставшему гладким как стекло после битвы титанов и последовавшего за этим плазменного инферно.

В небо взметнулись осветительные ракеты, в цитадели завывали сигналы тревоги, и на атакующее войнство со стен обрушились первые редкие выстрелы.

Хонсю наблюдал за сражением с одного из бастионов, установленных на плечах «Патер Мортис» в тридцати метрах над землей. «Поборники» встали на защищенные огневые позиции вдоль третьей параллели и открыли огонь по стенам цитадели, добывая уже и так ослабленные укрепления, в то время как дредноуты форсировали ров. Титан также шагнул в ров, и Хонсю ухватился за металлическое ограждение бастионной площадки, но специальные когти, установленные на тяжелых ногах титана, позволяли ему твердо ступать даже по осыпающемуся грунту.

На наплечных бастионах титана разместились шестьдесят два воина — все, что осталось от роты Хонсю. Теперь, когда имперские защитники оставили внешние стены, а энергетический щит исчез, они были готовы атаковать внутренние укрепления цитадели. Лучшего шанса, чем этот, у них не будет.

Титаны приближались к стенам, от которых, по сути, остались лишь груды обломков, и обстрел бастионов и куртины стал стихать. Когда его машина проходила мимо расплавленных останков «Диес Ире», Хонсю поднял меч, чувствуя павшего гиганта.

Взглянув направо, он различил тень второго титана, на бастионах которого стояли воины Форрикса. Начинался последний штурм, и он не мог окончиться провалом. Когда могучая машина войны вошла в брешь, пробитую в стене при падении «Диес Ире», Хонсю вновь ухватился за ограждение и почувствовал, как в корпусе демонического титана зарождается и нарастает яростный рев. Обе машины открыли огонь, и от внутренней стены начали откалываться огромные куски, а парапет превращался в пыль целыми секциями.

В пространстве между внешними и внутренними стенами никого не было: «Псы войны», которые помешали первому штурму, мудро отступили под прикрытие внутренних укреплений. Солдаты на стенах обстреливали врага, но благодаря щитам для титанов эти выстрелы были не страшнее булавочных уколов. Орудия, установленные на стенах, были окутаны зеленым мерцающим свечением; Хонсю не понимал, почему они не стреляют, но возблагодарил Темных Богов за то, что артиллерия врага молчит.

Пока титаны шагали вперед, «Поборники» еще расширили бреши во внешних стенах. Под обстрелом осадных танков укрепления цитадели содрогались, а на ворота, ведущие во внутренний периметр, обрушивался снаряд за снарядом. Дредноуты также добавили к обстрелу свою огневую мощь; трое из них, обезумевшие от жажды крови, грузно двинулись к воротам и ударили по ним тяжелыми молотами, но при этом оказались на линии огня «Поборников» и вскоре погибли.

«Патер Мортис» приближался к внутреннему периметру цитадели, и Хонсю уже мог разглядеть лица солдат, стоявших на стенах. В его сторону неслись стрелы лазерных выстрелов, но он лишь рассмеялся, чувствуя себя неуязвимым. Руки титана ударили в поверхность стены, и бастионы по инерции качнулись вперед. Крепежные крюки глубоко вонзились в рокрит, и через несколько секунд с бастионов на стены перекинулись осадные мосты, раздавившие под собой парапет.

— Эта крепость наша! Никого не щадить! — заорал Хонсю и, подняв меч, бросился в атаку.

Он спрыгнул на парапет, одним ударом зарубил трех гвардейцев и выпустил очередь из болт-пистолета по защитникам, стоявшим дальше на стене. Сотни воинов были готовы дать отпор атакующим, но Хонсю встретил их без страха, сея смерть в имперских рядах с какой-то сверхъестественной ловкостью.

С наплечных бастионов на парапет устремилась волна Железных Воинов, и в первые же

мгновения битвы защитники цитадели понесли большой урон и вынуждены были отступить. Шум стоял невыносимый, весь крепостной вал вскоре был залит кровью. Каждый раз, когда оборона была готова вот-вот поддаться под натиском Железных Воинов, Имперские Кулаки устраивали отчаянную контратаку, сплывали защитников вокруг себя и отбрасывали врага.

Разделавшись с очередным гвардейцем, Хонсю быстро глянул в сторону Форрикса. На его участке Железные Воины тоже столкнулись с ожесточенным сопротивлением и негибимым упорством защитников.

Имперские войска удерживали стены, но делали это с огромным трудом, и Хонсю знал, что момент прорыва близок.

Он поднырнул под удар, который целился перерубить ему шею, выпустил кишки нападавшему и заметил, что стены накрыла тень — черная, чернее самой темной ночи. На мгновение битва приостановилась, и все взоры устремились вверх, посмотреть, что за новая напасть приближается к цитадели.

С громopodobным грохотом, от которого треснули стены, Кузнец Войны опустился на парапет, и за спиной его раскинулись огромные крылья тьмы. Гвардейцы, оказавшиеся рядом, упали как подкошенные, корчась в судорогах и изрыгая кровь. Каждый удар, который Кузнец наносил огромным топором или когтями на другой руке, уносил жизнь вставших у него на пути. Мрак, облаком окутавший его голову, беспокойно клубился, и молнии темного света, вырывавшиеся из него, уничтожали все, с чем соприкасались.

Повсюду на стенах раздались крики ужаса, напуганные гвардейцы при виде этого дьявольского мора немедленно обращались в бегство. Кузнец Войны выпрямился в полный рост, доспех его расширился, словно набухнув, и искаженные гримасой агонии лица, заточенные под поверхность брони, заметались, стена, словно стоя банши.

— Теперь им конец! — заорал Хонсю, стряхнув в себя минутное замешательство.

Он бросился вслед за бегущими в панике защитниками, безжалостно кромсая их мечом. Линия обороны рухнула, и даже Имперские Кулаки были в этой ситуации бессильны.

Хонсю видел, как Форрикс десятками уничтожает бегущих гвардейцев; затем откуда-то снизу донесся оглушительный треск, и он понял, что внутренние ворота цитадели пали. Оставив бойню на стенах идти своим чередом, Кузнец Войны вновь поднялся в воздух, накрыв все укрепления саваном разложения и необратимых перемен.

Добравшись до одной из огромных башен, стоявших по обе стороны от ворот, Хонсю выбил дверь и нырнул внутрь, стреляя во все, что могло оказаться внутри. Его встретили испуганные крики, и хотя солдаты в башне не представляли угрозы, он все равно убил их и быстро спустился по лестнице. Победа была близка, он чувствовал это.

— Ко мне, Железные Воины! Цитадель наша!

Стреляя на ходу, Форрикс прогрохотал по винтовой лестнице, ведущей к основанию башни. Два уровня были оснащены площадками, на которых смогли закрепиться защитники, но это не остановило безжалостный натиск Железных Воинов: Форрикс и его терминаторы с легкостью уничтожили обе точки обороны.

Даже в разгар боя Форрикс не мог не думать о том, что происходило с Кузнецом Войны. Их предводитель стоял лишь в шаге от демоничества, и трансформация, которую претерпевало его тело, становилась все более очевидной. Значило ли это, что возвышение случится в самое ближайшее время? Уже давно Форрикс чувствовал напряжение, охватившее Кузнеца Войны, чувствовал, что тому стоит немалых усилий сохранять свой телесный облик. Любая ошибка на этом этапе — и вместо того чтобы возвыситься, Кузнец превратится в бесформенное отродье Хаоса, будет навеки обречен проходить через мучения неконтролируемых мутаций.

Нижний этаж башни образовывал широкий огневой мешок, но спланирован он был на случай атаки извне, и теперь защитники, на которых напали изнутри башни, нигде не могли укрыться. Лазерный огонь опалил стену совсем рядом с Форриксом, и в ответ он повел комби-болтер по широкой дуге, которая охватила все помещение перед ним. Ни один выстрел не прошел мимо цели.

Позади него уже завершали спуск терминаторы. Лицевые пластины их рогатых шлемов напоминали хищные маски, и Форриксу такая аналогия показалась уместной. Выход из башни был слишком узок для воинов, облаченных в броню терминатора, но Форрикс ударом силового кулака обрушил стену, расширив дверной проем. Отряд во главе с ветераном вышел во внутренний двор цитадели.

Форрикс довольно улыбнулся, увидев, как Кузнец Войны парит над полем битвы на крыльях тьмы, которые постепенно становились все более прочными, все более материальными. Сами же его очертания постоянно менялись и расплывались, как будто вовлеченные в поток бесконечных превращений.

На другой стороне ворот, у второй башни Хонсю и его отряд справлялись с толпой бегущих в панике гвардейцев. Впереди же, на дальней стороне мощеной эспланады, Форрикс разглядел группу разрушенных строений, выбитые окна которых зияли, как пустые глазницы. Пройдя ворота, пехотные войска, «Поборники», дредноуты и «Осквернители» старались двигаться быстрее, чтобы уйти с линии ответного огня из этих руин.

Пламя, охватившее укрепления, иногда пронзали отдельные лазерные залпы, но в них не было системы, не было точности. Над разрушенными зданиями клубился густой дым, а мгновение спустя Форрикс услышал, как два титана Легио Мортис, стремясь тоже поучаствовать в последнем сражении, безжалостно крушат куртину.

Дым рассеялся, и над эспланадой раздался визг болтеров «Вулкан». Три «Поборника» взорвались, подбитый дредноут потерял равновесие и отчаянно замахал руками, стараясь

удержаться на ногах.

Стрелял «Пес войны» — тот самый титан, которого Форрикс уже пытался уничтожить раньше. Форрикс быстро пересек внутренний двор, а чудовище тем временем призраком скользило в дыму, останавливаясь лишь затем, чтобы прицелиться во врага. Однако здесь, на открытом пространстве, огонь титана был далеко не так эффективен, как в узкой брешу.

— Рассредоточиться! — приказал Форрикс и в сопровождении терминаторов отправился на охоту за «Псом войны».

— Однажды ты ускользнул от меня, но на этот раз тебе не уйти, — пообещал он своей жертве.

— Выбирайте конкретную цель! — закричал Леонид, когда очередной залп лазерных разрядов обрушился на Железных Воинов, которые неумолимо продвигались вперед, от одного горящего здания к другому. Все пространство между зданиями было затянуто дымом, но Леонид видел, что ни один из атакующих пока не упал. Так не пойдет: нужно, чтобы каждый выстрел находил свою цель.

Их отступление прикрывал «Дефенсор Фидеи», титан класса «Пес войны» — он держал врага под шквальным обстрелом, не давая броситься на джуранцев. Сейчас же Леонид видел, что титаны противника тоже не бездействовали: сквозь клубы дыма, который валил из разрушенных зданий, можно было разглядеть огромные куски рокрита, которые эти гиганты отрывали от куртины, и не оставалось сомнений, что они присоединятся к сражению всего через несколько минут. Разбитые ворота не могли остановить сплошной поток вражеской техники, который вливался на эспланаду: танки ехали рядом с гротескными многоногими конструкциями, орудийные башни которых были украшены омерзительными рунами. Один вид этих машин заставил исказиться от страха заляпанные кровью лица солдат.

Брат-капитан Эшара перегруппировал остатки своей роты — всего тридцать Астартес — и сейчас сражался рядом с Леонидом. Они отступали, но крайне неохотно, и каждый шаг, сделанный назад, Эшара сопровождал выстрелом по противнику.

Внезапно из дыма вынырнули несколько солдат в красной униформе — проклятая пехота Железных Воинов — и бросились на них. Прежде чем отряд Леонида успел среагировать, пять человек погибло от выстрелов из примитивных ружей, которыми были вооружены пехотинцы. Припав на одно колено, Леонид вскинул лазган к плечу и, выбрав полностью автоматический режим, открыл огонь. Улица, затянутая дымом, осветилась яркими лазерными лучами, три вражеских солдата упали, еще четверых точными выстрелами из болтера уложил Эшара. Те, кто еще оставался в живых, нацелили оружие на Леонида, но так и не успели выстрелить — земля задрожала под весом огромной ноги из адамантия, которая опустилась прямо на них.

Турболазер «Юре Дивину» обстрелял здание напротив, и до того, как уже поврежденное строение окончательно рухнуло, Леонид увидел, что с его крыши упали шесть вражеских солдат. Но к самому титану уже приближался воин в доспехе терминатора; в чертах его бледного, безжизненного лица читалась древняя злоба и горькая ненависть, сейчас

приправленная жаждой крови.

У Леонида не оставалось времени на раздумья. Эшара, схватив кастеляна за руку, уже тянул его в сторону горящих развалин у северной стены цитадели. Космические десантники бежали рядом с ними, а гвардейские отряды уже прошли Врата Прощания и спустились в пещеры.

Эти врата, примыкающие к склону горы и укрепленные двумя бронированными блокгаузами, обычно перекрывали вход в систему подземных туннелей и пещер, но после предательства Наицина и осквернения Храма Машины створки ворот застыли в открытом положении.

Позади взорвались несколько зданий, и Леонида сбilo с ног ударной волной. Эшара помог ему подняться, в то время как тридцать Имперских Кулаков встали полукругом, прикрывая подход к Вратам Прощания.

Капитан космических десантников склонил голову, прикрытую помятым и почерневшим шлемом, так чтобы оказаться вровень с Леонидом.

— Кастелян, вы должны спуститься вниз и уничтожить геносемя.

— Но как? — выдохнул Леонид. — Без Храма Машины это невозможно.

Эшара крепче сжал его руку.

— Найдите способ. Используйте огнеметы, плазмаганы — используйте что угодно, но не допустите, чтобы хоть частичка этого геносемени попала в руки врага. Лучше уничтожить все, чем позволить противнику захватить добычу, вы понимаете?

— Но нам понадобится время, чтобы уничтожить все. Время, друг мой. Вы сможете продержаться так долго? — спросил Леонид, прекрасно понимая, какую цену за это придется заплатить Эшаре.

Они посмотрели друг другу в глаза и обменялись крепким воинским рукопожатием, сомкнув пальцы на запястье соратника.

— Мы продержимся столько, сколько нужно, — пообещал Эшара и, отбросив опустевший болтер в сторону, обнажил оба силовых меча.

— Удачи вам, брат-капитан Эшара.

— И вам, кастелян Леонид.

Не сказав больше ни слова, Леонид развернулся и побежал к Вратам Прощания.

Форрикс видел, что от попадания снаряда, выпущенного «Поборником», гигантское чудовище пошатнулось. Разорвавшийся снаряд задел ногу «Пса войны», титан накренился и врезался в полуразрушенное здание, потеряв при этом оружейную установку. Они загнали тварь в угол, лишили ее защиты, и теперь ей конец.

Где-то неподалеку был и второй титан, но дым и постоянные взрывы мешали определить его точное положение.

— Пора свести счеты! — заорал Форрикс и бросился к титану.

«Пес войны» уже не мог выдерживать шквальный огонь, который обрушился на его бронированный корпус. Ноги титана подогнулись, кабина пилота опустилась к земле, зеленые окуляры уставились на Форрикса. Он рассмеялся: на этот раз чудовище от него не уйдет.

Его отряд терминаторов окружил подбитую машину, уже заноса силовые кулаки, чтобы добить врага. Сам Форрикс взобрался на тяжелую ступню титана и несколько раз подряд ударил по голеностопному сочленению.

Заметив эту новую опасность, титан поднял ногу и сделал шаг назад, но сильно зашатался и завалился на здание, расположенное на другой стороне улицы.

Как ни старался «Пес войны» стряхнуть его, Форрикс, держась изо всех сил, продолжал колотить по суставу. Нога титана дернулась и с размаху врезалась в полуразрушенную стену. На этот раз Форрикс не смог удержаться, а его противник неуклюже попытался перенести вес на освободившуюся конечность.

Поврежденное сочленение не выдержало нагрузки и рассыпалось на части. «Пес войны» опрокинулся назад, пробил корпусом горящее здание и тяжело рухнул на землю под градом обломков рокрита. Кабина пилота треснула при падении, и Форрикс стал поспешно пробираться через пылающие обломки, чтобы прикончить тварь.

Внутри кабины слабо шевелились какие-то тени; ветеран разрядил в командную рубку весь боезапас комби-болтера, а потом, когда тот опустел, пустил в дело мельтаган.

Возможность наконец расправиться с экипажем «Юре Дивину» вызвала у Форрикса радостный смех, но на какой-то миг он потерял цель из виду — стена позади убитого чудовища обрушилась, подняв клубы пыли.

А когда пыль развеялась, вместе с ней исчезла и эйфория, охватившая Форрикса: он обнаружил, что прямо на него устремлен гибельный взгляд второго «Пса».

— Нет! — прохрипел Форрикс.

Орудия титана взвыли, готовясь к залпу.

И точно в тот момент, когда Железный Воин нажал на спусковой крючок мельтагана, турболазеры и болтеры «Вулкан», установленные на титане, поразили цель.

На какое-то краткое мгновение Форрикс успел почувствовать боль и жестокое разочарование, а потом орудия «Дефенсор Фидеи» не оставили от него и следа.

Цитадель пала, и битва, которая сопутствовала этому, наполняла Хонсю восторгом. Он бежал по улицам захваченной крепости, и воины как его собственного отряда, так и отряда Форрикса следовали за ним, выкрикивали его имя, и Темные Боги должны были это услышать.

Внезапно где-то слева загрохотала стрельба, и Хонсю повернул в ту сторону. Едва он завернул за угол, как увидел, что один из «Псов войны» повержен, а Форрикс собирается нанести последний удар по голове машины.

Но затем обрушилась стена, и из клубов дыма прямо перед Форриксом возник второй «Пес войны» — точная копия раненого титана. Орудия его выстрелили, и Форрикс исчез в фонтане крови и механических частей.

Смерть ветерана не вызвала в Хонсю ничего, кроме торжествующей радости. Кроагер куда-то исчез, Форрикс погиб — сегодня боги Хаоса явно благоволили ему.

Оставшийся «Пес войны» недолго наслаждался победой: с той же стороны, откуда пришел отряд Хонсю, слышались тяжелые шаги, от которых рушились здания, и на месте сражения появился «Патер Мортис». Титан-разведчик, защищенный меньшим количеством пустотных щитов и более тонкой броней, не мог противостоять классу «Повелитель войны», и после первого же залпа по его корпусу прокатилась волна взрывов.

«Пес» покачнулся, и на какой-то момент Хонсю показалось, что случилось невероятное и вражеский титан уцелел; но затем голова машины скрылась в огромной силы взрыве, рубку охватило пламя, и «Пес» повалился на землю.

Довольно зарычав, Хонсю продолжил свой путь по улицам павшей крепости. Ее защитники — деморализованные, сломленные — не оказывали сопротивления.

Наконец Хонсю достиг большой площади, на дальней стороне которой полукругом выстроилась жалкая группка Имперских Кулаков. Гордые и непреклонные, они обнажили мечи, прикрывая вход в пещеры, которые уходили вглубь гор.

При этом зрелище Хонсю рассмеялся. Встав во главе своей роты, он направился к этому

последнему рубежу обороны, а в горячей тьме над их головами уже кружил Кузнец Войны. Он опустился на площадь, и камни мостовой зашипели, плавясь под его шагами, как будто сама земля старалась отторгнуть заключенный в нем хаос. Тело Кузнеца постоянно менялось, словно не могло выбрать ни одно из миллиона возможных очертаний. Черные крылья за его спиной подрагивали, а поверхность доспеха стала более гладкой — более органической, похожей на панцирь насекомого.

Кузнец Войны кивнул Хонсю — уважительное приветствие одного воина другому.

— Пора с этим заканчивать, — прошипел командующий, и голос его звучал глухо и хрипло.

— Да, — отозвался Хонсю и пошел навстречу Имперским Кулакам, которых уже окружили Железные Воины.

Древние враги сошлись лицом к лицу, и вокруг все замерло. Площадь, озаряемая отсветами пожара, вдруг погрузилась в тень: из развалин показался «Патер Мортис».

Наконец из кольца космических десантников вышел воин; едва он снял шлем, как Хонсю почувствовал всю глубину ненависти, которую Астартес испытывал к нему.

— Я брат-капитан Эшара из Имперских Кулаков, сын Рогала Дорна, солдат Императора и палач нечестивцев. Сразись со мной и умри, предатель.

Кузнец Войны повернулся к Эшаре, и Хонсю ухмыльнулся, заметив, какой эффект одно его присутствие оказывало на космического десантника. Лицо капитана исказила гримаса боли, а Кузнец уже метнулся вперед, заноса огромный топор для удара, который должен был разрубить врага надвое.

Скрестив мечи над головой, Эшара блокировал атаку, но не выдержал и рухнул на колени. Из его груди вырвался короткий стон, но он все равно сумел нанести ответный удар, который зацепил бок противника, и из раны хлынула черная кровь. А затем кулак Кузнеца врезался в нагрудник Эшары с сокрушительной силой, пробил доспех, и капитан упал.

Имперские Кулаки бросились в атаку, выкрикивая имя Рогала Дорна, Железные Воины встретили их стрельбой, и битва началась. Но силы были неравны, и хотя Имперские Кулаки доблестно сражались, исход ее был предрешен.

Хонсю вогнал свой клинок в очередного противника и с удивлением заметил, что Эшара, кашляя кровью, все-таки сумел подняться на ноги. Взревев, Кузнец Войны рубанул топором, и лезвие оружия, пробив наплечник Эшары, рассекло его тело от ключицы до паха, разрезая броню, как бумагу.

Эшара осел на мостовую, но все же сумел поднять голову, когда Кузнец, вложив топор в

ножны, склонился, чтобы поднять поверженного врага.

— Слушай меня, сын Дорна, — прошипел он. — Я поглочу твоё геносемя, а затем уничтожу тебя и весь твой род.

Кузнец Войны поднес смертельно раненного врага к лицу. Послышался страшный чавкающий звук, кровь хлынула на дымящуюся землю, и Кузнец, отбросив изуродованный труп, издал безудержный рев удовольствия.

Даже Хонсю был шокирован этим зрелищем: грудная полость трупа была прогрызена насквозь, а органы исчезли в утробе Кузнеца. Но мгновением позже он стряхнул с себя оцепенение и устремился вслед за командиром, который уже скрылся в туннеле, уводившем вглубь горы — к их главной цели.

Леонид разбил стекло инкубационного бака и отступил назад, глядя, как амниотическая жидкость выплескивается на пол, а вместе с ней — и питаемые ею плоды. Батарея его лазгана давно села, и приходилось использовать грубую силу. Он двинулся к следующей капсуле, с ужасом окидывая взглядом бесконечную пещеру впереди. Её дальняя сторона терялась во мраке, и огромное пространство было расчерчено широкими линиями проходов. Один за другим тянулись ровные ряды инкубационных емкостей, покрытых инеем, пока не исчезали в темноте.

Теперь Леонид в полной мере осознал, какую опасность таило в себе это место. Если хотя бы часть того, что сказал Наицин, была правдой, в этом хранилище хватило бы генетического материала, чтобы создать тысячи тысяч нечистых воинов Хаоса. Одна мысль о том, что здесь начнется рождение подобных существ, внушала ужас.

Рабочие сервиторы, на плечах которых были установлены осветители, молча двигались по пещере, как точки света в море тьмы, и пещера эхом отзывалась на их рутинные перемещения. Сотни солдат участвовали в погроме, который был уготовлен хранилищу; они расстреливали, выжигали и разбивали все, до чего могли достать, но Леонид понимал, что это безнадежная затея. Хранилище было слишком велико. Им никак не успеть уничтожить все его содержимое до того, как сюда придут Железные Воины.

Но они все равно попробуют. Других вариантов не оставалось.

Хонсю и остальные Железные Воины следовали за Кузнецом Войны, который мчался по уходившему вниз коридору. Их командир был словно одержим неутолимимым голодом; так гончая идет по следу, учуяв кровь добычи. Все его тело пульсировало, как будто огромное сердце билось в бешеном темпе, как будто наружу из него рвался вихрь энергии, которая желала обрести форму.

Впереди послышался шум погрома, и Хонсю понял, что они приближаются к сокровищу, которое столь ревностно защищала эта цитадель. Коридор расширился и выровнялся, приведя их к тяжелым золотым дверям. По поверхности их створок пробежали всполохи зеленого света,

а с другой стороны открывалась огромная пещера.

Возгласы и звук бьющегося стекла сменились тревожными криками — люди заметили приближение Железных Воинов. Несколько смельчаков рискнули встать на пути Кузнеца Войны, но не выдержали его приближения и упали, крича и корчась в агонии.

Железные Воины ринулись в пещеру, и звуки стрельбы эхом отразились от стен. Последние защитники цитадели были безжалостно убиты.

Задержавшись у одной из разбитых инкубационных емкостей, Кузнец Войны извлек из обломков бесформенный кусок розовой, одутловатой плоти, лишь отдаленно похожей на человеческую. Мягкие, лишённые костей ткани генетического носителя стали пищей для Кузнеца, и Хонсю внезапно почувствовал, как по коже пробежал холодок, словно в воздухе начал собираться мощный электрический разряд.

Тем временем Кузнец перешел к следующей капсуле, чтобы пожрать и ее содержимое, после чего обернулся к Хонсю:

— Уничтожь их все.

Крепко сжав рукоять силового меча, Леонид пробирался обратно к входу в пещеру, и лицо его не выражало ничего, кроме жестокой решимости. Не было смысла и дальше уничтожать капсулы; они проиграли, и чувство поражения горькой тяжестью легло на сердце кастеляна. Что ж, если это конец, то он не будет прятаться, а встретит смерть лицом к лицу. У его людей не осталось боеприпасов, и схватки, вспыхивавшие тут и там, были свирепыми, но короткими.

Заслышав этот омерзительный чавкающий звук, он и еще около пятидесяти солдат двинулись к его источнику, намереваясь продать свои жизни как можно дороже. Но когда Леонид обошел последний ряд сочащихся жидкостью капсул и увидел, откуда исходит этот звук, то отвращение заставило его отшатнуться назад.

Кузнец Войны воздел руки к потолку пещеры, переполненный силой, которую ему дало поглощенное геносемя. И пусть сила эта была скорее символической, чем материальной, она означала одно: он преуспел в задуманном, и теперь власть Темных Богов вливалась в их избранный сосуд, разрывала связи, удерживавшие его в смертном теле, и наделяла даром вечной жизни.

Доспехи спали с него, словно старая кожа: их материальная форма больше не соответствовала величественному творению Хаоса. Вокруг него закрутился вихрь темной энергии, и от ее разрядов трескался рокритовый пол. Концентрация психической энергии нарастала, и Кузнец Войны начал увеличиваться в размерах. Его грудь всколыхнулась в спазмах, вмещающая в себя могущество Хаоса. Он знал, что рядом по-прежнему находятся его воины и имперские солдаты, но не мог отвлекаться на них — нужно было сконцентрироваться на немых энергиях, переполнявших его, направить их по верному пути, который преобразит его тело в новый демонический облик.

Чувство небывалой силы охватило его, и Кузнец взревел одновременно от боли и восторга. Его тело еще больше увеличилось, раздулось, распираемое стихийным водоворотом.

Ребристый рог пробил его лобную кость, вырвавшись наружу в фонтане крови и обрывков тканей. Он шевелился, словно живое существо и, удлинившись еще, обвил голову Кузнеца. Кожа его потемнела и покрылась отвратительной чешуей, а затем позвоночник его треснул, заставив Кузнеца заорать от боли, и сделался длиннее, толще. Тени за его спиной сгустились и превратились в плотные черные крылья, огромные и мощные.

Их взмах поднял только что рожденного демон-принца над землей, и на глазах тех, кто с ужасом следил за его превращением, последние капли психической энергии оставили его тело в финальном взрыве силы.

Леонид знал, что умрет, но все равно бросился к парящему над землей демону, занеся меч для решительного удара. Но стоило существу взглянуть на него, как кастелян упал на колени, не в силах сопротивляться его тошнотворной ауре. Телом демону служила сама тьма, и в кошмарных глубинах этой черноты мерцали огни далеких звезд и целых галактик. Леонид не мог даже смотреть на демона — столь сильно было вызываемое тварью отвращение, от которого внутренности сжимались в болезненных спазмах.

За первым приступом тошноты последовал второй, но желудок Леонида был пуст. Кастелян попытался встать, но боль была невыносимой, как будто в животе у него проворачивался раскаленный нож. Такая же участь постигла и его солдат: никто не устоял на ногах, никто не справился с собственным телом, которое взбунтовалось под влиянием этой страшной силы.

Мука была такой, что Леонид заплакал; а демон-принц, возвышавшийся над ним, смеялся — смеялся чудовищным раскатистым смехом, от которого по позвоночнику проносилась волна боли.

Леонид чувствовал, что теряет сознание, и сопротивлялся до последнего, но покой, который обещало небытие, был слишком соблазнительным, и он соскользнул в черноту.

Когда над горами показались первые лучи солнца, цитадель все еще горела. Мимо расплавленных остатков того, что раньше было Вратами Судьбы, на равнину потянулись колонны автоцистерн на гусеничном ходу. Эти цистерны были специально сконструированы для особого груза, который им предстояло везти: теплоизоляция и установки мгновенной заморозки гарантировали, что бесценное геносемя не пострадает во время путешествия по имматериуму к Глазу Ужаса и будет в сохранности доставлено Абаддону Разорителю.

Павших в бою Железных Воинов уже переправили на корабли, ждавшие на орбите, и хирумехи приступили к извлечению органов для пересадки следующему поколению. То, что осталось от Форрикса, не удалось даже собрать; но вот в блиндаже Кроагера бригада рабов, занятая разбором осадных укреплений, обнаружила полусгнивший труп. Это был явно кто-то из Железных Воинов, если это был сам Кроагер, кто же тогда возглавлял штурм восточного бастиона?

Хонсю предполагал, что никогда не узнает ответа на этот вопрос, но тут он сильно ошибался.

Но пока он наблюдал, как цистерны медленно ползут по изуродованной сражениями равнине, что раскинулась перед цитаделью. Удовлетворение от победы омрачалось тем, что противника больше нет, а значит, на этой планете не будет новых битв.

Когда возвышение Кузнеца Войны до демоничества состоялось, Хонсю пал ниц перед демон-принцем, и с губ его, словно сами собой, сорвались слова молитвы.

— Встань, Хонсю, — приказал ему демон, и когда тот подчинился, продолжил: — За последние века ты много раз радовал меня, сын мой. В тебе есть задатки величия, и я тщательно взращивал в тебе ненависть.

— Я живу лишь, чтобы служить вам, господин, — запинаясь, ответил Хонсю.

— Знаю. Но я также знаю, как сильно ты сам хочешь командовать, как сильно хочешь пройти тем же путем, по которому прошел я. Теперь я ясно вижу, что принесет будущее.

Демон, когда-то бывший Кузнецом Войны, приблизился к своему солдату, который почувствовал себя ничтожеством рядом с этим огромным созданием.

— Хонсю, ты станешь моим преемником. Только ты понимаешь, как важен Хаос и почему должен быть разрушен ложный Империиум. Форрикс давно утратил это понимание нашей судьбы, а Кроагер... Кроагер просто перестал задумываться о таких вещах. Я не дам тебе звание капитана, но вместо этого дам звание Кузнеца Войны.

Прежде чем Хонсю смог ответить, демон сложил черные как ночь крылья, и очертания его слились в сплошной сгусток тьмы.

— Сила варпа призывает меня, Хонсю, и за этим зовом я должен последовать, но ты не сможешь отправиться со мной... пока.

Контуры демона замерцали, начали расплываться, и наконец существо исчезло, оставив эту материальную вселенную ради других миров, природу которых Хонсю не мог себе даже представить.

В слова демон-принца он тоже пока не мог поверить. Хонсю, прозванный полукровкой — теперь Кузнец Войны.

Он повернулся спиной к руинам цитадели и направился к горному кряжу, за которым лежал космопорт. По дороге он миновал колонну пленных в потрепанной голубой униформе, которых вели в порт для погрузки на тюремные корабли: впереди их ждала жизнь рабов. Хонсю заметил в толпе мужчину с бронзовым нагрудником и погонами подполковника; изможденное лицо его

застыло, выражая лишь беспросветную обреченность, и Хонсю рассмеялся.

Он быстро обогнал колонну, пересек контрвалационные линии, которые Форрикс умело соорудил вокруг космопорта, прошел мимо тяжелых транспортных челноков, которые переправляли уцелевшие танки и артиллерию на грузовые корабли.

На посадочных площадках было не протолкнуться из-за скопления людей и машин, готовящихся отбыть с Гидры Кордатус.

Он пересек взлетные полосы и направился к челноку, который ждал на дальней посадочной площадке, держа двигатели на холостом ходу. У входного люка, больше похожего на зев пещеры, несколько Железных Воинов замерли в почетном карауле.

— Кузнец Войны, ваш шаттл готов, — сказал один из них, склоняясь в поклоне.

Хонсю улыбнулся и, не оглядываясь, поднялся на борт челнока.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/675916>